

16+

Владимир Небадонский

Жизнь и смерть Иешуа бен Иосифа

Книга 3

Владимир Небадонский

Жизнь и смерть Иешуа

бен Иосифа. Книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48811784

SelfPub; 2019

Аннотация

По сути, эта книга, как и вся трилогия, есть подробный справочник повседневной жизни человека.

Содержание

Вступление в Иерусалим	4
Суббота в Вифании	6
Воскресное утро с апостолами	10
Отбытие в Иерусалим	12
Посещение храма	19
Отношение апостолов	21
Понедельник в Иерусалиме	30
Очищение храма	31
Правители оспаривают власть Учителя	38
Притча о двух сыновьях	43
Притча об отлучившемся землевладельце	45
Притча о брачном пире	48
Во вторник утром в храме	52
Божественное прощение	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Вступление в Иерусалим

Заключительная, третья книга, посвящённая последним дням богочеловека Иешуа бен Иосифа, будет в чём-то перекликаться с известной книгой Даниила Андреева «Роза Мира». Кто читал книгу Андреева, тем будет проще и спокойнее воспринять некоторую информацию, которая будет представлена в тексте этой книги. На все вопросы сомневающихся можно ответить только – время, а, точнее, посмертие докажет ошибочность или истинность данного текста.

Иисус и апостолы прибыли в Вифанию в пятом часу пополудни в пятницу, 31 марта 30 года н. э. Лазарь, его сестры и их друзья уже ожидали их; а поскольку каждый день к Лазарю приходило много людей поговорить с ним о его воскрешении, то Иисусу сообщили, что он сможет остановиться у соседа – верующего по имени Симон, ставшего старейшиной этого небольшого села после смерти отца Лазаря.

В тот вечер Иисус принял многих посетителей, и простые люди Вифании и Виффагии делали всё для того, чтобы он чувствовал себя желанным гостем. Хотя многие полагали, что Иисус идет в Иерусалим, чтобы, вопреки решению синедриона предать его смерти, провозгласить себя царем иудеев, вифанская семья – Лазарь, Марфа и Мария – лучше понимали, что Учитель не является таким царем. Они предчувствовали, что это будет его последним посещением

Иерусалима и Вифании.

Первосвященникам донесли, что Иисус расположился в Вифании, но они полагали, что лучше не арестовывать его среди друзей. Они решили дождаться, пока он появится в Иерусалиме. Всё это было известно Иисусу, но он сохранял величественное спокойствие. Его друзья никогда не видели его таким сдержанным, таким естественным. Даже апостолы были потрясены тем, что он может оставаться столь безучастным, в то время как синедрион обратился ко всему еврейскому народу с требованием о его выдаче. В ту ночь, пока Учитель спал, апостолы по двое охраняли его покой, и многие из них были вооружены мечами. На следующий день рано утром их разбудили сотни паломников, пришедших из Иерусалима, несмотря на субботу, чтобы увидеть Иисуса и Лазаря, которого он воскресил из мертвых.

Суббота в Вифании

Как прибывшие в Иудею паломники, так и иудейские власти в один голос вопрошали: «Как вы думаете, появится ли Иисус на празднике?». Поэтому когда люди услышали, что Иисус остановился в Вифании, они обрадовались. Однако первосвященники и фарисеи были несколько озадачены. Они были довольны тем, что он находится в их владениях, но его дерзость немного смущала их. Они помнили, что в предыдущее посещение Вифании Лазарь был воскрешен из мертвых, а Лазарь начинал всё больше мешать врагам Иисуса.

За шесть дней до Пасхи, вечером после окончания субботы, все жители Вифании и Виффагии собрались в доме Симона на общий пир, чтобы отпраздновать прибытие Иисуса. Этот ужин, устроенный в честь Иисуса и Лазаря, был дан в пику синедриону. Марфа руководила обслуживанием за столом. Ее сестра Мария была среди наблюдавших в стороне женщин, ибо по еврейским правилам женщинам не разрешалось сидеть за столом на общем пиру. На ужине присутствовали и агенты синедриона, но они боялись арестовывать Иисуса в окружении его друзей.

Иисус говорил с Симоном о древнем Иешуа, чьим тезкой он являлся, и рассказывал о том, как Иешуа и израильтяне шли на Иерусалим через Иерихон. Комментируя легенду о

крушении стен Иерихона, Иисус сказал: «Не о стенах из кирпича и камня думаю я, но хотелось бы мне, чтобы стены из предрассудков, лицемерия и ненависти рухнули перед этой проповедью любви Отца ко всем людям».

Праздничный ужин протекал в веселой и ничем не примечательной атмосфере, если не считать необычной серьезности апостолов. Иисус был исключительно весел и играл с детьми, пока не подошло время садиться за стол.

В течение всего вечера не произошло ничего необычного, однако когда пир подходил к концу, Мария, сестра Лазаря, отделилась от стоявших в стороне женщин. Подойдя к тому месту, где в качестве почетного гостя возлежал Иисус, она открыла большой алебастровый сосуд редчайшего дорогостоящего благовония; помазав голову Учителя, она стала лить масло ему на ноги, распустив волосы и натирая ими его ноги. Весь дом наполнился благоуханием, и все присутствующие поразились поступку Марии. Лазарь ничего не сказал, но когда некоторые из гостей начали вполголоса выражать свое негодование подобным использованием столь драгоценной мази, Иуда Искарот подошел к возлежавшему Андрею и сказал: «Почему это благовонное масло не продали и на вырученные деньги не накормили нищих? Тебе следует поговорить с Учителем, чтобы он осудил такое расточительство».

Иисус, зная, о чём они думают, и, слыша, что они говорят, положил руку на голову Марии, стоявшей подле него на ко-

лениях, и, глядя на нее с добротой, сказал: «Оставьте ее в покое, каждый из вас. Зачем смущаете ее, когда видите, что она совершила доброе дело по велению сердца? Тем же из вас, кто говорит втихую, что это благовоние следовало продать и раздать деньги нищим, позвольте заметить, что нищие всегда с вами, и потому вы можете помогать им в любое время, когда захотите; но я не всегда буду с вами; вскоре я отправлюсь к своему Отцу. Эта женщина давно бережет это масло для моего тела на день моего погребения, и теперь, когда она посчитала за благо умастить меня перед смертью, не следует лишать ее этого удовольствия. Делая это, Мария укорила всех вас, ибо своим действием доказала веру в то, что я говорил о своей смерти и вознесении к моему небесному Отцу. Эту женщину не будут осуждать за то, что она сделала этим вечером. Наоборот, я говорю вам, что в грядущие века – где бы ни возвещалось это евангелие – о ее поступке будут рассказывать в память о ней».

Именно из-за этого укора Иуда Искариот, приняв сказанное на свой счет, окончательно решил отомстить за оскорбленные чувства. Он уже не раз неосознанно вынашивал такие мысли, но теперь он осмелился подумать об этом откровенно и осознанно. И многие другие потворствовали таким его настроениям, ибо цена этого благовонного масла равнялась годовичному заработку одного человека – этого хватило бы, чтобы накормить пять тысяч человек. Однако Мария любила Иисуса; она приготовила это драгоценное благовоние

для умащения его тела после смерти, ибо она верила ему, когда он предупреждал их о том, что должен умереть; и ей нельзя было отказать в праве изменить свое решение и преподнести Учителю этот дар еще при его жизни.

Как Лазарь, так и Марфа знали, что Мария уже давно откладывала деньги на покупку этого сосуда с народом, и они от всей души одобрили то, что в этом вопросе она поступила по велению сердца, ибо они были состоятельными людьми и могли легко позволить себе такое приношение.

Когда первосвященники узнали об этом обеде, данном в Вифании в честь Иисуса и Лазаря, они начали совещаться между собой о том, какие меры следует принять в отношении Лазаря. И вскоре они решили, что Лазарь тоже должен умереть. Они правильно рассудили, что будет бесполезно предавать Иисуса смерти, если оставить в живых Лазаря, которого Иисус воскресил из мертвых.

Воскресное утро с апостолами

В то воскресное утро, в прекрасном саду у Симона, Учитель собрал апостолов и дал им последние наставления перед вступлением в Иерусалим. Иисус сказал, что он, возможно, выступит со многими обращениями и поучениями, прежде чем вернуться к Отцу, но он посоветовал апостолам воздержаться от каких-либо публичных выступлений в течение пасхального периода в Иерусалиме. Он велел им оставаться рядом с ним, «смотреть и молиться». Иисус знал, что в тот самый момент у многих из его последователей были спрятаны на себе мечи, но он не сказал об этом ни слова.

В этих утренних наставлениях Иисус кратко вспомнил их служение – со дня посвящения в сан неподалеку от Капернаума и вплоть до этого дня, когда они готовились к вступлению в Иерусалим. Апостолы слушали молча. Они не задали ни одного вопроса.

Ранним утром того же дня Давид Зеведеев передал Иуде деньги, вырученные от продажи снаряжения лагеря у Пеллы, а Иуда, в свою очередь, оставил большую часть этой суммы на хранение у их хозяина, Симона, на случай острой нужды в средствах после вступления в Иерусалим.

После совещания с апостолами Иисус побеседовал с Лазарем и посоветовал ему не класть свою жизнь на алтарь мстительного синедриона. Следуя именно этому совету, спустя

несколько дней Лазарь бежал в Филадельфию, когда чиновники синедриона послали людей арестовать его.

В каком-то смысле, сторонники Иисуса предчувствовали надвигавшийся кризис, однако они не могли осознать всей его опасности из-за необычной веселости Иисуса и его исключительно хорошего настроения.

Отбытие в Иерусалим

Вифания находилась примерно в двух милях от храма, и в половине второго в тот воскресный день Иисус был готов отправиться в Иерусалим. Он ощущал огромную любовь к Вифании и ее простым людям. Назарет, Капернаум и Иерусалим отвергли его, но Вифания приняла его, уверовала в него. Именно это маленькое село, где практически каждый мужчина, женщина и ребенок были верующими, он избрал в качестве места совершения величайшего чуда за всё свое посвящение на земле – воскрешения Лазаря. Он воскресил Лазаря не для того, чтобы заставить селян поверить, а потому, что они уже верили.

Всё утро Иисус обдумывал свое вступление в Иерусалим. Ранее он всегда пытался пресечь любые попытки публично чествовать его как Мессию. Но теперь положение было иным: приближалось окончание его жизни во плоти, синедрион постановил предать его смерти, и свободное выражение его учениками своих чувств – которого можно было ожидать при торжественном публичном вступлении в город – не могло принести вреда.

Иисус решил устроить публичное вступление в Иерусалим не для того, чтобы в последний раз попытаться завоевать благосклонность толпы или обрести власть. Не являлось его целью и удовлетворение заветных человеческих желаний

апостолов и учеников. Иисус не питал ни одной из этих иллюзий, присущих пустым мечтателям. Он хорошо знал, каким будет исход этого посещения.

Решив устроить публичное вступление в Иерусалим, Учитель столкнулся с необходимостью избрать надлежащий способ для исполнения такого решения. Иисус проанализировал все многочисленные и в той или иной степени противоречивые пророчества, называемые мессианскими, но лишь одно из них показалось ему хотя бы отчасти приемлемым для выполнения. Большинство из этих пророческих изречений касалось царя – сына или преемника Давида, смелого и решительного мирского избавителя всего Израиля от ярма чужеземного господства. Однако существовала одна цитата, которую иногда связывали с Мессией сторонники более духовного представления о его миссии, и которая, как считал Иисус, была совместима с его предполагаемым вступлением в Иерусалим. Эта цитата была обнаружена у Захарии, и в ней говорилось: «Ликуй, дочь Сиона! Торжествуй, дочь Иерусалима! Смотрите, ваш царь идет к вам! Он кроток и едет верхом на осле, на молодом осленке».

Царь-воин всегда вступал в город верхом на коне; царь, прибывающий с миссией мира и дружбы, всегда въезжал на осле. Иисус не хотел вступать в Иерусалим как воин; он желал войти в город с миром и благоволением, как Сын Человеческий, верхом на осле.

Иисус давно и недвусмысленно стремился внушить сво-

им апостолам и ученикам, что его царство не от мира сего, что оно является чисто духовным делом, но его усилия оказались тщетными. Теперь он решил обратиться к символическим, пытаясь таким путем достигнуть того, чего ему не удалось добиться своим откровенным личным обучением. Поэтому сразу после полуденной трапезы Иисус вызвал Петра и Иоанна и, велел им оправиться в Виффагию – соседнее село, находившееся к северо-западу от Вифании чуть в стороне от главной дороги, – сказал: «Пойдите в Виффагию, и когда дойдете до развилки, найдете привязанного осленка. Отвяжите осленка и приведите сюда. Если кто-нибудь спросит, зачем вы это делаете, скажите только: „Он нужен Учителю"». И когда два апостола отправились в Виффагию, как им велел Учитель, они нашли осленка, привязанного рядом со своей матерью, на улице перед домом у развилки. Когда Петр начал отвязывать осленка, его владелец вышел и спросил, зачем они это делают; Петр ответил, как велел Иисус, после чего этот человек сказал: «Если вашим Учителем является Иисус из Галилеи, то пусть берет осленка». И они вернулись, приведя с собой осленка.

К этому времени вокруг Иисуса и его апостолов уже собралось несколько сот паломников. С середины первой половины дня проходившие через Вифанию люди начали задерживаться здесь. Тем временем Давид Зеведеев и некоторые из его бывших гонцов, по собственному почину, спешно отправились в Иерусалим, где быстро оповестили заполнив-

шие храм толпы паломников о предстоящем триумфальном вступлении в город Иисуса Назарянина. Поэтому несколько тысяч гостей Иерусалима двинулись навстречу этому пророку и чудотворцу, имя которого было у всех на устах и которого некоторые считали Мессией. Выйдя из Иерусалима, люди встретили Иисуса и направлявшуюся в город толпу, как только те перевалили через гребень Елеонской горы и начали спускаться в город.

Когда процессия покинула Вифанию, в праздничной толпе учеников, верующих и паломников – многие из которых прибыли сюда из Галилеи и Перее – царило огромное воодушевление. Перед самым выходом из Вифании двенадцать женщин из первоначального женского корпуса, в сопровождении некоторых из своих подруг, прибыли сюда и присоединились к этой необычной процессии, весело направлявшейся к городу.

Прежде чем отправиться в путь, близнецы Алфеевы положили свои хитоны на осла и держали животное, пока Учитель садился на него. По мере того, как процессия двигалась к вершине Елеонской горы, торжествующая толпа подстилала свои одежды и устилала землю ветками с ближайших деревьев, чествуя осла, несущего на себе царского Сына, – обещанного Мессию. Приближаясь к Иерусалиму, толпа начала весело распевать – а точнее, дружно выкрикивать – псалом: «Осанна сыну Давида! Благословен тот, кто приходит во имя Господа! Осанна в вышних! Благословенно царство, нисхо-

дящее с небес!»

Иисус оставался беспечным и веселым, пока они не достигли гребня Елеонской горы, откуда их взору предстал город и храмовые башни. Здесь Учитель остановил процессию, и воцарилась мертвая тишина, ибо люди увидели, что он плачет. Смотря на огромную толпу,двигающуюся из города, чтобы приветствовать его, Учитель, с огромным чувством и печалью в голосе, произнес: «О, Иерусалим, если бы ты – именно ты – хотя бы сегодня знал, что служит миру твоему и что ты мог бы столь щедро получить! Близок час, когда эта слава скроется от твоего взора. Близок час, когда ты отвергнешь Сына Мира и отвернешься от спасительного евангелия. Придут дни, когда твои враги возведут вокруг тебя укрепления и окружают тебя со всех сторон; и разорят тебя, и не оставят от тебя камня на камне. И всё это обрушится на тебя потому, что ты не узнал времени божественного посещения. Близок час, когда ты отвергнешь дар Божий, и все люди отвергнут тебя».

Когда он умолк, они начали спускаться с Елеонской горы, и вскоре к ним присоединилось множество прибывших из Иерусалима посетителей, которые взмахивали пальмовыми ветвями, выкрикивали «осанна» и всячески выражали свое ликование и сердечность. Учитель не планировал того, чтобы эти толпы вышли из Иерусалима ему навстречу; об этом позаботились другие. Его замыслам была чужда всякая театральность.

Вместе с народом, нескончаемым потоком стекавшимся поприветствовать Учителя, пришли также многие фарисеи и другие его враги. Они были настолько встревожены этим внезапным и неожиданным всплеском народного признания, что побоялись арестовать его, дабы своими действиями не подтолкнуть людей к открытому мятежу. Отношение толпы паломников, которые были наслышаны об Иисусе и многие из которых верили в него, вызывало у них огромный страх.

С приближением к Иерусалиму народное ликование стало столь бурным, что некоторые из фарисеев поравнялись с Иисусом и сказали: «Учитель, тебе следует отчитать своих учеников и велеть им вести себя как подобает». Иисус ответил: «Вполне естественно, что эти дети приветствуют Сына Мира, отвергнутого первосвященниками. Запрещать им бесполезно: если они умолкнут, камни закричат».

Опережая процессию, фарисеи поспешили назад, в синедрион, заседавший в это время в храме, и доложили своим коллегам: «Смотрите, всё, что мы делаем, бесполезно; этот галилеянин разрушает все наши планы. Люди без ума от него; если мы не остановим этих невежд, весь мир пойдет за ним».

В действительности этот поверхностный и спонтанный всплеск народного энтузиазма не имел под собой глубокого основания. Хотя приветствие было радостным и искренним, оно не свидетельствовало о какой-либо подлинной или твердой внутренней убежденности веселящегося народа. Спу-

стоя несколько дней те же самые толпы были готовы так же быстро отвергнуть Иисуса, стоило только синедриону занять против него твердую и решительную позицию, а их энтузиазм сменился разочарованием, как только они осознали, что Иисус не собирается устанавливать царство в соответствии с их давними сокровенными мечтами.

Однако весь город был взбудоражен настолько, что каждый спрашивал: «Кто этот человек?» И люди отвечал: «Это пророк из Галилеи, Иисус Назарянин».

Посещение храма

Пока близнецы Алфеевы возвращали осла хозяину, Иисус и десять апостолов отделились от своих ближайших товарищей и прошли по территории храма, наблюдая за подготовкой к Пасхе. Никто не пытался чинить Иисусу препятствий, ибо синедрион чрезвычайно боялся народа, – и это, в конечном счете, было одной из причин, которыми руководствовался Иисус, позволив толпе устроить такое приветствие. Апостолы не осознавали, что это было единственным человеческим способом предотвратить арест Иисуса сразу же после его вступления в город. Учитель хотел, чтобы жители Иерусалима – знатные и простые, равно как и десятки тысяч прибывших на Пасху гостей, – получили еще одну, последнюю возможность услышать его евангелие и, пожелай они того, принять Сына Мира.

С приближением вечера, когда толпы людей отправились на поиски пищи, Иисус и его ближайшие сторонники остались в одиночестве. Каким странным был этот день! Апостолы были задумчивы и молчаливы. Этот день был самым необычным за все годы их общения с Иисусом. Они присели ненадолго рядом с сокровищницей, наблюдая за тем, как люди оставляют приношения: богатые клали в приемный ящик помногу, и каждый давал согласно размеру своего состояния. Наконец, пришла бедная вдова, плохо одетая, и они

увидели, как она опустила две лепты (мелкие медные монеты). Тогда Иисус, обратив внимание апостолов на вдову, сказал: «Обратите внимание на то, что вы сейчас увидели. Эта бедная вдова положила больше всех, ибо все остальные положили от избытка мелочь в дар Богу, а эта бедная женщина, несмотря на нужду, положила всё, что имела, даже свое пропитание».

Наступал вечер; в молчании они прогуливались по дворам храма. После того, как Иисус еще раз осмотрел эти знакомые ему места, вспоминая те чувства, которые он испытывал во время предыдущих посещений Иерусалима, в том числе и самые первые визиты, он сказал: «Вернемся в Вифанию; нам нужно отдохнуть». Иисус, Петр и Иоанн направились к Симону, а остальные апостолы остановились у своих друзей в Вифании и Виффагии.

Отношение апостолов

В этот воскресный вечер, когда они возвращались в Вифанию, Иисус шел впереди апостолов. Они шли, молча; так они и расстались, придя в дом Симона. Никогда двенадцать человеческих созданий не испытывали столь различных и невыразимых чувств, как те, что терзали умы и души посланников царства. Эти сильные галилеяне были смущены и обескуражены; они не знали, чего теперь ждать; они были настолько поражены, что даже не испытывали страха. Апостолы ничего не знали о планах Учителя на следующий день, и они не спрашивали. Они разошлись по домам, хотя все, кроме близнецов, плохо спали. Однако они выставили вооруженную охрану для Иисуса у дома Симона.

Андрей был чрезвычайно озадачен и совершенно обескуражен. Он являлся единственным апостолом, который не предпринимал серьезных попыток проанализировать всплеск народного признания. Он был слишком сосредоточен на сознании своей ответственности как главы апостольского корпуса, чтобы всерьез задуматься над смыслом или значимостью громких славословий толпы. Внимание Андрея было посвящено наблюдению за некоторыми из его товарищей, поскольку он опасался, что те могут поддаться своим эмоциям во время царившего возбуждения – в первую очередь, это были Петр, Иаков, Иоанн и Симон Зелот. В те-

чение всего этого и нескольких последующих дней Андрея мучили глубокие сомнения, но он не поделился ни одним из дурных предчувствий со своими товарищами-апостолами. Его беспокоило отношение некоторых из двенадцати, которые, как он знал, были вооружены мечами. Но он не знал, что меч был у его собственного брата Петра. Поэтому направлявшаяся в Иерусалим процессия не произвела на Андрея глубокого впечатления; он был слишком занят своими прямыми обязанностями, чтобы этот эпизод мог как-то подействовать на него.

Что касается Симона Петра, то поначалу демонстрация народного энтузиазма чуть не вскружила ему голову. Однако вечером, ко времени их возвращения в Вифанию, он уже гораздо более трезво смотрел на вещи. Петр просто не мог понять, что задумал Учитель. Он был страшно разочарован тем, что Иисус не увенчал эту волну народного признания каким-нибудь заявлением. Петр не понимал, почему Иисус не выступил перед народом с речью, когда они прибыли в храм, и даже не позволил кому-нибудь из апостолов обратиться к людям. Петр был великим проповедником, и он не мог равнодушно смотреть на то, как благожелательность и воодушевленность огромной толпы остаются невостребованными. Ему так хотелось возвестить людям евангелие царства прямо там, в храме. Однако Учитель специально наказал им не учить и не проповедовать во время этой пасхальной недели в Иерусалиме. Впечатляющая процессия оказала

обратный эффект на Симона Петра; к вечеру он был отрешен и невыразимо печален.

Для Иакова Зеведеева этот воскресный день стал днем растерянности и огромного замешательства; он не мог постичь смысл происходящего; он не мог понять, чего добивается Учитель, сначала допустивший это ликование, а затем отказавшийся обратиться к людям после прибытия в храм. Когда процессия спускалась с Елеонской горы в направлении Иерусалима, – а точнее, когда с ними слились тысячи паломников, устремившиеся им навстречу, чтобы приветствовать Учителя, – Иакова раздирали противоречивые чувства: восторг и удовлетворение от того, что он видит, и глубокий страх перед тем, что будет, когда они достигнут храма. И он был удручен и глубоко разочарован, когда Иисус сошел с осла и начал неспешно прогуливаться по дворам храма. Иаков не мог понять причину отказа от столь великолепной возможности провозгласить царство. К ночи его разум был крепко зажат в тисках мучительной, ужасной неуверенности.

Иоанн Зеведеев довольно близко подошел к пониманию причин, двигавших Иисусом. Во всяком случае, он отчасти осознал духовное значение этого так называемого триумфального вступления в Иерусалим. Когда народ двинулся к храму, Иоанн, видя своего Учителя верхом на осленке, вспомнил, как однажды Иисус цитировал отрывок из Писания, – изречение Захарии, – где описывалось прибытие Мессии-миротворца, въезжающего в Иерусалим на осле.

Размышляя над этой цитатой, Иоанн начал понимать символическое значение воскресного шествия. По крайней мере, смысл этой цитаты раскрылся ему настолько, что позволил Иоанну получить некоторое удовольствие от происходящего и уберег его от чрезмерной подавленности из-за внешне бессмысленного окончания этой триумфальной процессии. Иоанн обладал тем типом ума, для которого естественно образное восприятие и мышление.

Филипп был полностью выбит из колеи внезапностью и стихийностью этого порыва. Пока они спускались с Елеонской горы, ему не удавалось собраться с мыслями в достаточной мере, чтобы прийти к какому-то определенному мнению о назначении всего этого шествия. В каком-то смысле, ему понравилось это представление, ибо оно было устроено в честь его Учителя. К тому времени, когда они достигли храма, Филиппа начала беспокоить мысль о том, что Иисус может попросить его накормить народ; поэтому поведение Иисуса, беспечно покинувшего толпу – и тем самым жестоко разочаровавшего большинство апостолов, – принесло Филиппу огромное облегчение. Иногда народ становился тяжким испытанием для апостольского эконома. Освободившись от личного страха перед материальными потребностями толпы, Филипп, как и Петр, был разочарован тем, что ничего не было сделано для обучения народа. В тот вечер, размышляя о своих впечатлениях, Филипп был готов усомниться в самой идее царства. Он искренне недоумевал, не

зная, что всё это может означать, однако он никому не высказал своих сомнений; он слишком любил Иисуса. Он обладал огромной личной верой в Учителя.

За исключением символических и пророческих аспектов, Нафанаил ближе всех подошел к пониманию той причины, которой руководствовался Учитель, используя массовую поддержку пасхальных паломников. Еще до того, как они достигли храма, Нафанаил пришел к выводу, что без подобного демонстративного вступления в Иерусалим Иисус был бы арестован чиновниками синедриона и брошен в тюрьму, как только он попытался бы вступить в город. Поэтому его ничуть не удивило, что оказавшись в пределах городских стен, Учитель тут же оставил приветствовавшие его толпы, которые произвели на иудейских вождей столь сильное впечатление, что им пришлось отказаться от попыток арестовать его. Естественно, что поняв истинные мотивы Иисуса для подобного вступления в город, Нафанаил был более выдержан, чем остальные участники процессии, и менее обеспокоен и разочарован последующим поведением Иисуса, чем другие апостолы. Нафанаил не сомневался в способности Иисуса понимать людей, в его прозорливости и умении разрешать сложные ситуации.

Поначалу это торжественное шествие озадачило Матфея. Он не понимал смысла того, что предстало перед его глазами, пока и он не вспомнил цитату из Захарии, где пророк намекает на радость Иерусалима, чей царь является сю-

да, неся спасение и въезжая на молодом осле. Когда процессия направилась в город, а затем двинулась к храму, Матфей охватил восторг; он не сомневался в том, что произойдет нечто необыкновенное, как только Учитель прибудет в храм во главе этой шумной толпы. Когда один из фарисеев стал издеваться над Иисусом, говоря: «Смотрите, кто идет – царь иудейский верхом на осле!», Матфею стоило большого труда сдержаться и не наброситься на него. В тот вечер, на обратном пути в Вифанию, никто из двенадцати не был более подавлен, чем Матфей. Вместе с Симоном Петром и Симоном Зелотом он пережил сильнейшее нервное напряжение и к вечеру валился с ног от усталости. Но к утру, Матфей повеселел; все-таки он умел проигрывать.

Наиболее смущенным и озадаченным из двенадцати был Фома. Большую часть времени он просто шел вместе с остальными, глядя на этот спектакль и искренне недоумевая, что побудило Учителя участвовать в столь необычном шествии. В глубине души он считал всё происходящее каким-то ребячеством, если не чистой глупостью. Он впервые видел подобные действия Иисуса и никак не мог объяснить его странное поведение в этот воскресный день. К тому времени, когда они достигли храма, Фома пришел к заключению, что народное шествие призвано напугать синедрион, дабы тот не посмел тут же арестовать Учителя. На пути в Вифанию Фома был задумчив, но ничего не говорил. К ночи он уже с улыбкой вспоминал ту ловкость, с которой Учитель

организовал свое шумное вступление в Иерусалим, и такое отношение весьма приободрило его.

Для Симона Зелота воскресенье началось как великий день. Ему представлялись чудесные свершения в Иерусалиме в ближайшие несколько дней, и в этом он не ошибался, однако Симон мечтал об установлении нового национально-го правления евреев, с Иисусом на троне Давида. Симон уже видел, как сразу же после провозглашения царства националисты переходят к активным действиям, а сам он становится во главе создающихся военных сил нового царства. Во время спуска с Елеонской горы он даже представлял себе, что еще до заката солнца синедрион и все его сторонники будут мертвы. Он действительно полагал, что должно произойти нечто великое. Он был самым шумным из всей толпы. К пяти часам пополудни он представлял собой молчаливого, сломленного и разочарованного апостола. Он так до конца и не оправился от депрессии, которая началась в результате потрясения того дня. Во всяком случае, он еще долго пребывал в этом состоянии после воскресения Учителя.

Для близнецов Алфеевых это был прекрасный день. Они поистине наслаждались всем происходящим и, отсутствуя во время спокойной прогулки по храму, почти не застали спада народного энтузиазма. Им было совершенно непонятно уныние апостолов, когда те вернулись вечером в Вифанию. Тот день запомнился близнецам как наивысшее воплощение рая на земле. Он принес им величайшее удовлетворение за всё

время их служения в качестве апостолов. И память об охватившем их в то воскресенье восторге помогла им пройти через всю трагедию этой богатой событиями недели вплоть до часа распятия. В представлении близнецов, такое вступление было наиболее достойным царя; они наслаждались каждым мгновением шествия. Они полностью одобряли все, что видели, и долго хранили это в своей памяти.

Из всех апостолов самое неблагоприятное воздействие торжественное вступление в Иерусалим оказало на Иуду Искариота. Его разум находился в состоянии неприятного брожения из-за сделанного Учителем порицания в связи с поступком Марии на пиру в доме у Симона. Иуда с отвращением взирал на весь этот спектакль. Он казался ему наивным, даже нелепым. Когда этот мстительный апостол наблюдал за событиями того воскресного дня, ему казалось, что Иисус больше похож на шута, чем на царя. Он был искренне возмущен этим шествием. Он разделял мнение греков и римлян, презиравших всякого, кто соглашается сесть верхом на осла или осленка. К тому времени, когда торжествующая процессия вступила в город, Иуда почти уже отверг идею такого царства; он почти решил отказаться от дальнейших нелепых попыток установить царство небесное. Но затем он вспомнил о воскрешении Лазаря и многом другом и решил остаться с двенадцатью – во всяком случае, еще на день. Кроме того, при нем была казна, а он не хотел бросать апостолов, пока в его распоряжении находились их деньги. На обратном пу-

ти в Вифанию его поведение не казалось странным, ибо все апостолы были в равной мере понурыми и молчаливыми.

Громадное влияние на Иуду оказала насмешка его саддукейских друзей. Никакой другой отдельно взятый фактор не оказал столь мощного воздействия на формирование его окончательного решения покинуть Иисуса и своих товарищей-апостолов, как эпизод, произошедший в тот момент, когда Иисус достиг городских ворот. Высокопоставленный саддукей (друг семьи Иуды) устремился к нему и, с веселой издевкой хлопнув по плечу, сказал: «Отчего так встревожено твое лицо, дружище? Порадуйся вместе с нами, приветствующими Иисуса Назарянина, – царя иудейского, вступающего во врата Иерусалима верхом на осле». Иуда никогда не боялся гонений, но он не мог выдержать такого рода насмешек. Теперь к давнему желанию отмщения примешался роковой страх стать посмешищем – это жуткое и пугающее чувство стыда за Учителя и своих товарищей. В душе этот посвященный посланник царства уже был предателем; ему оставалось только найти благовидный предлог для открытого разрыва с Учителем.

Понедельник в Иерусалиме

Ранним утром в понедельник, в условный час, Иисус и апостолы собрались в доме Симона в Вифании и после короткого совещания отправились в Иерусалим. По пути в храм двенадцать хранили необычное молчание; они еще не пришли в себя от переживаний предыдущего дня. Они были полны надежды, страха и глубокого ощущения какой-то отрешенности из-за внезапного изменения Учителем своей тактики и его указания не заниматься публичными проповедями в течение всей пасхальной недели.

Когда они спускались с Елеонской горы, Иисус шел впереди, а сразу же за ним, в задумчивом молчании, следовали апостолы. Всех их – за исключением Иуды Искарота – волновала одна мысль: «Что сделает сегодня Учитель?» Иуда же был поглощен единственным вопросом: «Что мне делать? Остаться с Иисусом и моими товарищами – или уйти? А если я покину их, то, как мне это сделать?»

Было около девяти часов, когда в то прекрасное утро эти мужчины прибыли в храм. Они сразу же направились в большой двор, где так часто учил Иисус. Поприветствовав ожидавших его верующих, Иисус взшел на одно из возвышений для проповедников и приступил к своему обращению к собравшейся толпе. Апостолы отошли в сторону и стали ожидать развития событий.

Очищение храма

Вокруг ритуалов и церемоний храмового богослужения буйно расцвела коммерция. Торговля животными, пригодными для различных жертвоприношений, являлась прибыльным делом. Хотя верующим позволялось приводить своих животных, при этом требовалось, чтобы жертва была свободна от всех «изъянов» с точки зрения закона левитов и в толковании официальных инспекторов храма. Многие верующие прошли через унижение, когда считавшиеся безупречными животные отвергались храмовыми браковщиками. Поэтому более распространенной практикой стало приобретение закланных животных в храме, и хотя на соседней Елеонской горе находилось несколько пунктов продажи животных, таких животных обычно покупали прямо из храмовых загонов. Постепенно все виды жертвенных животных начали продаваться во дворах храма. Так появилась широкая торговля, приносявшая громадные барыши. Часть этих доходов направлялась в храмовую казну, однако большая часть денег оседала в руках правящих кланов первосвященников.

Эта торговля животными процветала из-за того, что если верующий покупал такое животное, то – несмотря на его довольно высокую цену – ему уже не приходилось платить какие-либо иные сборы, и он мог быть уверен, что предлагае-

мая жертва не будет отвергнута под предлогом действительных или формальных пороков. То и дело с простого люда взимали непомерно высокую плату, в особенности во время больших национальных праздников. Однажды алчные священники дошли до того, что начали требовать сумму, эквивалентную недельному заработку, за пару голубей, которых следовало бы продавать беднякам за несколько грошей. «Сыны Ханана» уже начали устраивать свои базары на территории храма – те самые торговые рынки, которые сохранялись до времени их окончательного разорения толпой за три года до уничтожения самого храма.

Однако торговля жертвенными животными и мелким товаром была не единственным видом осквернения храмовых дворов. В те времена получила развитие широкая система банковских операций и обмена денег, действовавшая прямо на территории храма. Предыстория всего этого такова. Во времена династии асмонеев евреи чеканили свои собственные серебряные монеты, и по установившемуся порядку храмовый налог величиной в полсикла, равно как и все остальные храмовые сборы, должны были выплачиваться в этих еврейских монетах. Для этого менялы получали разрешение обменивать многие виды монет, имевших хождение в Палестине и других провинциях Римской империи, на этот традиционный цикл еврейской чеканки. Подушный храмовый налог, взимаемый со всех, кроме женщин, рабов и несовершеннолетних, составлял полсикла. Это была монета величи-

ной с десять центов, но вдвое толще. Ко временам Иисуса священников также освободили от уплаты налогов на храм. Соответственно, с 15 по 25 число месяца, предшествовавшего Пасхе, официальные менялы устанавливали свои лотки в главных городах Палестины для обеспечения еврейского народа необходимыми монетами, чтобы, попав в Иерусалим, люди могли заплатить храмовый налог. После этого десятидневного периода менялы перебирались в Иерусалим и начинали устанавливать свои обменные столы во дворах храма. Им позволялось удерживать в качестве комиссионных сумму, эквивалентную трем-четырем центам при обмене монеты достоинством примерно в десять центов, а в случае обмена монеты большего достоинства, им разрешалось взимать двойной сбор. Таким же образом эти храмовые менялы получали прибыль от обмена всех денег, предназначенных для покупки жертвенных животных, оплаты обетных приношений и совершения пожертвований.

Эти храмовые менялы не только извлекали прибыль из регулярных денежных операций по обмену более двадцати различных видов монет, периодически доставляемых в Иерусалим прибывавшими сюда паломниками, но также занимались всеми другими видами финансовых операций. Как храмовой казне, так и правителям храма эта коммерция приносила баснословную прибыль. Нередко в казне скапливалось денег на сумму более десяти нынешних миллионов долларов, в то время как простой люд влачил нищенское суще-

ствование, продолжая платить эти несправедливые поборы.

В тот понедельник утром, посреди шумного сборища менял, лавочников и торговцев животными, Иисус пытался учить евангелию небесного царства. Он был не одинок в своем возмущении этим осквернением храма; простой народ – в особенности евреи, прибывшие сюда из дальних провинций, – до глубины души возмущались этой профанацией их национального храма в угоду прибыли. В те времена даже синедрион проводил свои регулярные заседания в одном из залов посреди всего этого шума и гомона, создаваемого торговлей и обменом товарами.

Когда Иисус уже собирался начать свою проповедь, произошло два эпизода, привлечших его внимание. У стоявшего поблизости стола с деньгами, принадлежавшего одному из менял, разгорелся шумный и жаркий спор: некий александрийский еврей утверждал, что с него берут чрезмерную плату, и одновременно воздух задрожал от топота примерно ста бычков, которых перегоняли из одного загона в другой. Когда Иисус задумался, молча созерцая это зрелище торгашества и разброда, неподалеку он заметил простодушного галилеянина – человека, с которым он однажды беседовал в Ироне, – подвергавшегося насмешкам и издевательствам надменных и заносчивых иудеев. И всё это вместе пробудило один из тех загадочных всплесков негодования, которые периодически возникали в душе Иисуса.

К изумлению апостолов, стоявших рядом и удержавших-

ся от участия в том, что последовало дальше, Иисус сошел с возвышения для проповедников и, подойдя к юноше, гнавшему скот через храмовый двор, забрал у него плетеный кнут и быстро выгнал животных из храма. Но этим дело не кончилось: перед удивленными взорами тысяч людей, собравшихся в храмовом дворе, он величественно прошествовал к самому дальнему загону и начал отворять ворота каждого стойла и выпускать запертых животных. К этому времени собравшиеся паломники пришли в возбуждение и с шумными криками набросились на базары, переворачивая столы менял. Менее чем за пять минут весь храм был очищен от торговцев. Когда находившиеся неподалеку римские стражники прибыли на место, порядок был восстановлен, и толпа вела себя спокойно. Вернувшись на возвышение, Иисус обратился к народу: «Сегодня вы стали свидетелями того, что сказано в Писаниях: „Дом мой будет домом молитвы для всех народов, но вы сделали его вертепом разбойников“».

Но прежде, чем он смог произнести что-либо еще, огромная толпа разразилась возгласами «Осанна!», и тут же из нее выступили множество юношей, начавших петь благодарственные гимны в честь изгнания из святого храма осквернявших его нечестивцев-торгашей. К этому времени сюда уже прибыли некоторые из священников, и один из них сказал Иисусу: «Разве ты не слышишь, что говорят дети левитов?» И Учитель ответил: «Разве вы никогда не читали: „Совершенна хвала, исходящая из уст младенцев и грудных де-

тей"?» И весь тот день, пока Иисус учил, стража, выставленная народом у всех сводчатых проходов, не позволяла никому пронести через храмовые дворы даже пустого сосуда.

Узнав о происшедшем, первосвященники и книжники лишились дара речи. Они всё больше боялись Иисуса и всё больше укреплялись в своем решении убить его. Но они были в замешательстве. Они не знали, как добиться его смерти, ибо страшно боялись народа, открыто одобрявшего изгнание Иисусом нечестивых торгашей. И весь тот день – день покоя и мира во дворах храма – люди слушали учение Иисуса и буквально впитывали в себя его слова.

Этот удивительный поступок Иисуса был выше понимания апостолов. Они были столь озадачены этим внезапным и неожиданным действием их Учителя, что в течение всей этой сцены, сбившись в кучу, оставались у возвышения для проповедников. Они и пальцем не пошевелили, чтобы помочь в очищении храма. Если бы это впечатляющее событие произошло днем раньше, при триумфальном прибытии Иисуса в храм после его шумного вступления в город и громогласного народного признания, они были бы подготовлены к этому, но при таком развитии событий они были совершенно не готовы участвовать в них.

Очищение храма раскрывает отношение Учителя к превращению религии в источник дохода, равно как и его отвращение к любой несправедливости и спекуляции за счет бедных и необразованных людей. Этот случай также пока-

зывает, что Иисус неодобрительно смотрел на отказ от использования силы для защиты большинства членов любой человеческой группы от нечестных и порабощающих методов несправедливого меньшинства, способного прочно засесть за бастионами политической, финансовой или церковной власти. Нельзя позволять хитрым и подлым интриганам заниматься организованной эксплуатацией и угнетением тех, чей идеализм не позволяет им обращаться к силе для самозащиты или для претворения своих достойных жизненных планов.

Правители оспаривают власть Учителя

Воскресное триумфальное вступление в Иерусалим повергло иудейских вождей в такой ужас, что они не стали арестовывать Иисуса. На следующий день впечатляющее очищение храма также заставило их повременить с арестом Учителя. С каждым днем правители евреев всё больше укреплялись в своей решимости убить его, но им не давал покоя страх перед двумя вещами, которые в своей совокупности заставляли их откладывать свой удар. Первосвященники и книжники не хотели арестовывать Иисуса публично, опасаясь волны народного гнева и негодования; им также внушала страх мысль о том, что для подавления народного восстания может потребоваться римская стража.

На полуденном заседании синедриона было единогласно решено, как можно скорее покончить с Иисусом, поскольку на этом совещании не было ни одного друга Учителя. Однако им не удалось договориться, когда и как его следует арестовать. Наконец, было принято решение назначить пять групп, которые должны были смешаться с народом и попытаться запутать Иисуса в собственном учении или каким-либо иным образом дискредитировать его в глазах слушателей. Поэтому около двух часов – вскоре после того, как Иисус присту-

пил к беседе «О свободе сыновства», – группа этих израильских старейшин пробралась к тому месту, где стоял Иисус. Перебив его в своей обычной манере, они спросили: «Чьей властью ты это делаешь? Кто дал тебе такую власть?»

Для правителей храма и чиновников иудейского синедриона было совершенно правомерно обращаться с таким вопросом к любому, кто позволял себе учить и действовать в той удивительной манере, которая была свойственна Иисусу, – особенно принимая во внимание его недавнее поведение при очищении храма от торгашей. Все эти торговцы и менялы действовали на основании разрешений, полученных от самих высших правителей, и определенный процент от их доходов должен был поступать непосредственно в храмовую казну. Однако следует помнить, что девизом всего еврейства была *власть*. Пророки всегда доставляли неприятности, дерзко позволяя себе учить, не имея на то власти, то есть должной подготовки в раввинских академиях и последующего формального посвящения синедрионом, а без этого публичное обучение считалось либо признаком невежественной самоуверенности, либо открытого мятежа. В те времена только синедрион мог посвящать старшего учителя, и такая процедура должна была проходить в присутствии как минимум трех прошедших такое же посвящение лиц. Посвящение давало учителю звание «равви» и позволяло исполнять также функции судьи – «разрешать те дела, которые поступают к нему для суда».

В этот послеполуденный час правители храма предстали перед Иисусом, оспаривая не только его учение, но и его поступки. Иисус прекрасно знал, что те же самые люди уже давно внушают народу, что он учит властью, данной Сатаной, и что все его чудеса совершены силой, полученной от князя дьяволов. Поэтому Учитель начал отвечать на их вопрос встречным вопросом. Иисус сказал: «Я тоже задам вам один вопрос, и если вы ответите на него, то и я вам скажу, чьей властью я всё это делаю. Откуда пришло крещение Иоанна, от людей или с небес?»

Услышав его вопрос, они отошли в сторону, чтобы посоветоваться друг с другом, что отвечать. Они собирались привести Иисуса в замешательство перед народом, но теперь сами попали впросак перед всеми людьми, собравшимися к тому времени во дворе храма. И их поражение стало тем более очевидным, когда они вернулись к Иисусу и сказали: «Что касается крещения Иоанна, мы не можем ответить; мы не знаем». Они дали Учителю такой ответ, ибо рассудили между собой так: если мы скажем, что с неба, то он скажет: «Почему же вы тогда не поверили ему?» и, возможно, добавит, что получил свою власть от Иоанна; а если скажем, что от людей, то народ может ополчиться на нас, ибо большинство людей считают Иоанна пророком. И потому им пришлось предстать перед Иисусом и людьми и признаться в том, что они – религиозные учителя Израиля – не смогли (или не желали) высказать свое мнение относительно миссии Иоан-

на. И когда они умолкли, Иисус, глядя на них, сказал: «И я вам не скажу, чьей властью я делаю всё это».

Иисус вовсе не собирался ссылаться на Иоанна для подтверждения своей власти; Иоанн никогда не посвящался синедрионом. Власть Иисуса заключалась в нем самом и в вечном верховенстве его Отца.

Используя этот метод обращения со своими противниками, Иисус не стремился уклониться от ответа. На первый взгляд может показаться, что он попытался схитрить, предложив ловкую отговорку, однако такое впечатление обманчиво. Иисусу было несвойственно злоупотреблять своим превосходством даже в отношениях с врагами. В действительности в этой кажущейся отговорке он дал своим слушателям ответ на вопрос фарисеев о власти, на которую опирается его миссия. Они утверждали, что он действует властью князя дьяволов. Иисус неоднократно утверждал, что всё его учение и чудеса вершатся силой и властью его небесного Отца. Иудейские вожди отказывались согласиться с этим и пытались заставить Иисуса признать, что он является незаконным учителем, поскольку никогда не утверждался синедрионом. Ответив именно так, как он ответил, Иисус – не претендуя на получение власти от Иоанна – принес людям такое удовлетворение внутренним смыслом своего ответа, что попытка врагов поймать его в ловушку обратилась против них самих, дискредитировав их в глазах всех присутствующих.

Именно умение Иисуса обращаться со своими противни-

ками вызывало в них такой страх. В тот день они не пытались задавать ему новые вопросы; они удалились, чтобы продолжить совещания в своем кругу. Что касается народа, то люди быстро поняли нечестность и неискренность этих вопросов, заданных правителями евреев. Даже простой люд не мог не отличить нравственное величие Учителя от коварного лицемерия его врагов. Однако очищение храма склонило саддукеев на сторону фарисеев при составлении окончательных планов убийства Иисуса. А в то время большинство в синедрионе составляли саддукеи.

Притча о двух сыновьях

Взглянув на стоявших перед ним в молчании фарисеев, Иисус сказал этим крючкотворам: «Поскольку вы сомневаетесь в миссии Иоанна, ополчившись в своей вражде на учения и свершения Сына Человеческого, послушайте мою притчу. У одного крупного и уважаемого землевладельца было два сына, от которых потребовалась помощь в ведении большого хозяйства. Он пришел к одному из них и сказал: „Сын, пойди, поработай сегодня в моем винограднике“. Легкомысленный сын ответил отцу: „Не хочу“, но потом раскаялся и пошел. Когда он нашел своего старшего сына, то сказал и ему: „Сын, пойди, поработай в моем винограднике“. Лицемерный и неверный сын ответил: „Хорошо, отец мой, пойду“. Но когда отец покинул его, сын не пошел работать. Позвольте спросить вас: который из двух сыновей действительно исполнил желание отца?»

Люди в один голос ответили: «Первый сын». И тогда Иисус сказал: «Именно так; и теперь я заявляю, что мытари и блудницы, даже если и, кажется, что они отвергают призыв к раскаянию, увидят заблуждение свое и войдут в царство Божье впереди вас, – тех, кто всячески претендует на служение Отцу небесному, но отказывается выполнять угодные Отцу дела. Не вы, фарисеи и книжники, поверили Иоанну, а мытари и грешники; не верите вы и моему учению, а про-

стые люди с радостью внимают моим словам».

Иисус не презирал фарисеев и саддукеев лично – он стремился дискредитировать их системы обучения и практического поведения. Хотя он и не испытывал к кому-либо враждебных чувств, происходило неизбежное столкновение новой, живой религии духа с более древней религией, основанной на церемониях, традициях и власти.

В течение всего этого времени двенадцать апостолов стояли рядом с Учителем, однако не принимали никакого участия в происходящем. Каждый из двенадцати по-своему реагировал на события этих завершающих дней служения Иисуса во плоти, и каждый из них оставался послушным распоряжению Учителя воздержаться от публичного обучения и проповедей в течение этой пасхальной недели.

Притча об отлучившемся землевладельце

Когда главные фарисеи и книжники, пытавшиеся запутать Иисуса своими вопросами, выслушали историю о двух сыновьях, они удалились для новых совещаний, а учитель, обращаясь к народу, рассказал новую притчу:

«Один добрый человек посадил на своем участке земли виноградник. Он обнес его, выкопал яму для виноградного пресса и построил башню для стражи. После этого он сдал его внаем виноградарям, а сам отправился в длительное путешествие в другую страну. Когда же приблизилось время собирать урожай, он послал слуг к виноградарям за своей долей. Но виноградари, посоветовавшись между собой, отказались отдать слугам виноград, причитавшийся их хозяину. Вместо того, они схватили его слуг и одного избили, другого забросали камнями, а остальных отправили назад с пустыми руками. И когда домовладелец услышал обо всём этом, он отправил других, еще более верных слуг, к этим подлым виноградарям, и те ранили их и также постыдно обошлись с ними. После этого хозяин послал к ним своего любимого слугу, управляющего, и они убили его. И всё же, спокойно и терпеливо, он отправлял многих других слуг, но виноградари не приняли ни одного. Одних они избивали, других убивали, и

после такого обращения хозяин решил послать к этим неблагодарным виноградарям своего сына, говоря себе: „Возможно, они плохо обошлись с моими слугами, но они должны устыдиться моего любимого сына". Но когда эти нераскаявшиеся и подлые виноградары увидели сына, они сказали друг другу: „Это наследник; давайте убьем его, и наследство его будет наше". Поэтому они набросились на него, вытолкали из виноградника и убили. Когда хозяин виноградника услышит о том, как они отвергли и убили его сына, что сделает он с этими неблагодарными и подлыми виноградарями?»

И когда люди слышали эту притчу и заданный Иисусом вопрос, они ответили: «Он уничтожит этих скверных людей и передаст виноградник другим, честным виноградарям, которые будут отдавать ему его долю, когда придет время собирать урожай». И некоторые из людей поняли, что притча относится к еврейскому народу и его обращению с пророками, а также к угрозе отвержения Иисуса и евангелия царства, и печально говорили: «Не дай нам Бог и дальше творить такое».

Иисус увидел, как группа саддукеев и фарисеев пробирается через толпу, подождал, пока они подойдут поближе, и сказал: «Вы знаете, как ваши отцы отвергли пророков, и вы хорошо знаете, что в своей душе вы намерены отвергнуть Сына Человеческого». И после этого, пытливо глядя на стоявших подле него священников и старейшин, Иисус сказал: «Неужели вы никогда не читали в Писании об отвергнутом

строителями камне, который люди нашли и сделали главой угла? А потому я еще раз предупреждаю вас: если и дальше будете отвергать это евангелие, то вскоре царство Божье будет отнято у вас и передано тому народу, который будет готов принять благую весть и принести духовные плоды. И с камнем этим связана тайна, ибо кто упадет на него, тот хотя и разобьется, но будет спасен; на кого же он упадет, тот будет истерт в прах, а его пепел рассеян на все четыре стороны».

Когда фарисеи слышали эти слова, они поняли, что Иисус имеет в виду их и других еврейских вождей. Им очень хотелось тут же схватить его, но они боялись народа. Тем не менее, слова Учителя рассердили их настолько, что они удалились и устроили новое совещание, обсуждая, как его убить. И в тот вечер, как саддукеи, так и фарисеи стали сообща думать над тем, как поймать его в ловушку на следующий день.

Притча о брачном пире

Когда книжники и правители удалились, Иисус вновь обратился к собравшимся с притчей о брачном пире. Он сказал:

«Царство небесное можно уподобить одному царю, который устроил свадебный пир для своего сына и отправил гонцов с наказом говорить званым гостям: „Всё приготовлено для свадебного пира в царском дворце“. Однако многие из тех, кто обещал явиться, на этот раз отказались прийти. Когда царь услышал о том, что пренебрегают его приглашением, он послал других слуг и посланников со словами: „Скажите всем, кто зван, чтобы шли, ибо обед мой готов. Быки мои и откормленные тельцы заколоты, и всё готово для празднования предстоящей свадьбы моего сына“. И вновь неразумные люди не прислушались к голосу своего царя. Одни пошли работать в поле, другие в гончарню, третьи – заниматься своей торговлей. Прочие же, не удовлетворившись таким пренебрежительным отношением к приглашению царя, подняли мятеж, схватили посланников царя, издевались над ними и некоторых даже убили. А когда царь понял, что его избранные гости – те, кто принял его предварительное приглашение и обещал прибыть на свадебный пир, – окончательно отвергли его призыв и, восстав, напали на его избранных посланников и убили их, он исполнился гнева. И

тогда этот оскорбленный царь послал свои армии и армии своих союзников и приказал им истребить этих мятежных убийц и сжечь их город.

И наказав тех, кто надменно отклонил его приглашение, он назначил новый день для свадебного пира и сказал своим посланникам: „Званные первыми были недостойны; поэтому ступайте на перекрестки и на дороги и за городские стены и зовите всех, кого найдете, даже чужестранцев, прийти на этот свадебный пир". И тогда эти слуги вышли в путь и добрались до глухих мест и собрали всех, кого только нашли, — добрых и злых, богатых и бедных, так что в итоге пиршественный зал наполнился пожелавшими прийти гостями. Когда всё было готово, царь пришел посмотреть на своих гостей и премного удивился, увидев там человека в одежде, не подходящей для праздника. Царь, щедро обеспечивший свадебной одеждой всех своих гостей, обратился к этому человеку со словами: „Друг! Как же ты, в такой день, попал в зал для моих гостей без свадебного платья?" И этот не приготовившийся человек молчал. Тогда царь сказал своим слугам: „Прогоните этого легкомысленного гостя из моего дома, чтобы и он разделил судьбу всех остальных, кто презрительно отверг мое гостеприимство и отклонил мой призыв. Я не потерплю здесь никого, кроме тех, кто с радостью принял мое приглашение, и кто уважил меня, надев эти гостевые наряды, столь щедро приготовленные для всех"».

Рассказав эту притчу, Иисус уже собирался распустить на-

род, когда один благожелательный верующий, пробравшись к нему через толпу, спросил: «Однако, Учитель, как мы узнаем об этом? Как нам быть готовыми к приглашению царя? Какое знамение ты дашь нам, чтобы мы знали, что ты – Сын Божий?» И услышав это, Учитель сказал: «Только одно знамение будет дано вам». И после этого, указав на свое собственное тело, он произнес: «Разрушьте этот храм, и я в три дня воздвигну его». Но они не поняли его и, расходясь, говорили между собой: «Этот храм строится уже почти пятьдесят лет, а он говорит, что уничтожит его и воздвигнет в три дня». Даже его апостолы не поняли значения этих слов, однако позднее, после его воскресения, они вспомнили, что он сказал.

Около четырех часов пополудни Иисус подозвал своих апостолов и сообщил им, что он хотел бы покинуть храм и отправиться в Вифанию для вечерней трапезы и отдыха. Поднимаясь на Елеонскую гору, он велел Андрею, Филиппу и Фоме разбить на следующий день лагерь поближе к городу, где они могли бы находиться в течение оставшейся части пасхальной недели. Следуя этому указанию, на другое утро они поставили свои палатки на участке земли, принадлежавшем Симону из Вифании и находившемся в лощине на склоне холма, откуда открывался вид на Гефсиманский сад – место отдыха горожан.

В понедельник вечером они вновь представляли собой группу молчаливых евреев, поднимающихся по западному

склону Елеонской горы. Как никогда прежде, эти двенадцать мужчин начинали отдавать себе отчет в надвигающейся трагедии. Хотя впечатляющее очищение храма ранним утром и пробудило в них надежду увидеть, как Учитель заявляет о своих правах и демонстрирует свою могущественную силу, события всей второй половины дня имели прямо противоположное действие, ибо каждое из них определенно свидетельствовало о неприятии учений Иисуса еврейскими властями. Напряженное ожидание сковало апостолов; ужасная неопределенность держала их в своих тисках. Они понимали, что, возможно, лишь несколько дней отделяют события минувшего дня от неминуемого, сокрушительного удара судьбы. Все они чувствовали, что должно произойти нечто чрезвычайное, но они не знали, чего ждать. Они отправились на ночлег, однако почти не сомкнули глаз. Даже близнецы Алфеевы наконец-то осознали, что жизнь Учителя быстро приближается к своему кульминационному завершению.

Во вторник утром в храме

В этот вторник, около семи часов утра, в доме Симона состоялась встреча Иисуса с апостолами, женским корпусом и группой из двух-трех десятков ближайших учеников. На этой встрече он простился с Лазарем и дал ему совет, следуя которому тот вскоре бежал в переийскую Филадельфию. Впоследствии Лазарь примкнул к миссионерскому движению с центром в этом городе. Иисус также распрощался с престарелым Симоном и дал свой прощальный совет женскому корпусу, ибо это стало его последним формальным обращением к ним.

В то утро он встретил каждого из апостолов персональным приветствием. Андрею он сказал: «Не поддавайся смятению из-за того, что должно вскоре произойти. Не отходи от своих братьев и не позволяй им видеть тебя удрученным». Петру он сказал: «Не полагайся на силу плоти или сталь меча. Утвердись на вечных скалах духа». Иакову он сказал: «Пусть наружность не смущает тебя. Оставайся твердым в своей вере, и вскоре ты познаешь реальность того, во что веришь». Иоанну он сказал: «Будь добрым; люби даже своих врагов; будь терпимым. И помни, что я многое доверил тебе». Нафанаилу он сказал: «Не суди по внешности; храни прочную веру, когда будет казаться, что всё пропало; будь верен своему поручению посланника царства». Филиппу он

сказал: «Пусть надвигающиеся события не поколеблют тебя. Оставайся твердым даже тогда, когда не видишь пути. Будь верен своей клятве посвящения». Матфею он сказал: «Не забывай милосердия, принявшего тебя в царство. Не дай кому-нибудь обманом отнять у тебя вечную награду. Ты успешно сопротивлялся влечениям смертного естества, так будь же готов проявить стойкость». Фоме он сказал: «Как бы трудно это ни было, именно сейчас ты должен идти, опираясь на свою веру, а не на зрение. Не сомневайся в том, что я способен завершить начатый труд, и что в итоге я увижу всех своих преданных посланников в ином мире». Близнецам Алфеевым он сказал: «Не позволяйте тому, чего вы не понимаете, сокрушить себя. Храните верность той любви, которая живет в ваших сердцах, и не полагайтесь ни на великих людей, ни на изменчивое человеческое отношение. Оставайтесь вместе со своими братьями». Симону Зелоту он сказал: «Симон, даже если ты будешь сломлен разочарованием, твой дух вознесется превыше всего, что может обрушиться на твою голову. Тому, чему ты не смог научиться у меня, ты научишься у моего духа. Ищи подлинные реальности духа и перестань испытывать влечение к нереальным материальным теням». Иуде Искароту он сказал: «Иуда, я любил тебя и молился о том, чтобы ты любил своих братьев. Твори добро без усталости; и я хотел бы предупредить тебя остерегаться скользких путей лести и отравленных стрел насмешки».

Поприветствовав своих апостолов, он отправился в Иеру-

салим вместе с Андреем, Петром, Иаковом и Иоанном, в то время как остальные апостолы занялись обустройством лагеря в Гефсимании, куда они должны были отправиться вечером. Этот лагерь являлся их базой в последние дни жизни Учителя во плоти. Спускаясь по склону Елеонской горы, примерно на полпути Иисус остановился и около часа беседовал с четырьмя апостолами.

Божественное прощение

Уже несколько дней Петр и Иаков обсуждали свое различное понимание учения Иисуса о прощении греха. Оба они решили обратиться со своим вопросом к Учителю, и Петр воспользовался данным случаем как подходящей возможностью получить совет Учителя. Поэтому Симон Петр прервал разговор, касавшийся различий между хвалой и поклонением, и спросил: «Учитель, Иаков и я по-разному понимаем твои учения относительно прощения греха. Иаков утверждает, что согласно твоему учению, Отец прощает нас еще до того, как мы просим его об этом, а я утверждаю, что покаяние и исповедь должны предшествовать прощению. Кто из нас прав? Что ты скажешь?»

После короткого молчания Иисус многозначительно посмотрел на всех четырех и ответил: «Братья мои, вы ошибаетесь в своих воззрениях, поскольку не понимаете природы тех сокровенных и любвеобильных отношений, которые связывают создание и Создателя, человека и Бога. Вы неспособны постичь сочувствие мудрого родителя своему незрелому и порой заблуждающемуся дитя. Поистине сомнительно, чтобы разумных и любящих родителей приходилось когда-либо призывать прощать своих обыкновенных, нормальных детей. Отзывчивость, связанная с любовью, успешно предотвращает все те отчуждения, из-за которых впослед-

ствии возникает необходимость приспособливать покаяние дитя к прощению родителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.